

ДИСКУССИИ

УДК 009

Мурзина Ирина Яковлевна

доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой культурологии института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург (РФ).

E-mail: ekb-ural@yandex.ru

КУЛЬТУРОЛОГИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС ИЛИ ВРЕМЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ¹

Аннотация. Цель публикации – обсуждение состояния культурологии как области науки и образовательной практики в ситуации модернизации образования. Статья продолжает дискуссию, начатую на совещании-семинаре заведующих кафедрами культурологии в России «Науки о культуре и культурологическое образование: время стратегических решений» [2].

Методы, использованные автором работы, – анализ существующих точек зрения по рассматриваемой теме; рефлексия сущности культурологического знания, недавнего прошлого, настоящего и будущего культурологического образования в России.

Результаты. Вскрыты причины институционального кризиса культурологии в нашей стране, среди которых называются недостаточные определенность и осознанность как специалистами, так и общественностью не только места и роли культурологических дисциплин в образовательном процессе, но и методологических оснований деятельности культурологов. Рассмотрены аспекты культурологического образования и обозначены перспективы его развития. Выдвинуто предложение продолжить дискуссию, начатую на совещании-семинаре в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена, но уже на территориально-региональном уровне, что позволит более глубоко и предметно обсудить пути выхода из сложившегося кризисного состояния.

Научная новизна: систематизированы подходы к пониманию культурологии как сферы научного знания, обобщены направления дальнейшего становления и совершенствования культурологического образования.

Практическая значимость. Материалы исследования позволят активизировать теоретико-методологическую составляющую культурологического образования, задать векторы актуальных исследований в области культурологии.

Ключевые слова: культурология, культурологическое образование, институциональный кризис, совещание-семинар заведующих кафедрами.

¹ Статья подготовлена в рамках работы по госзаданию №2014/392 НИР № 1881.

Murzina Irina Ya.

Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Cultural Studies, Institute of Philology, Cultural Studies and Intercultural Communication, Urals State Pedagogical University, Yekaterinburg (RF).

E-mail: ekb-ural@yandex.ru

CULTURAL STUDIES: INSTITUTIONAL CRISIS OR THE TIME OF STRATEGIC DECISIONS

Abstract. *The aim* of this investigation is to signify of the problems of cultural studies as a science and educational practice in a situation of modernization of education. The publication continues the discussion started at the alignment meeting of Heads of Cultural Studies Departments in Russia – «The science of culture and cultural education: time for strategic decisions».

Methods. The author has applied the following methods: analysis of existing points of view; reflection of the essence of the cultural knowledge and perspectives of cultural development of cultural studies science in Russia.

Results. The research outcomes show that cultural studies in modern Russia are experiencing institutional crisis: insufficient definiteness and awareness by experts and publicity due to places and roles of culturological disciplines in educational process, but also the methodological bases of activity of culturologists. Aspects of culturological formation are considered and prospects of its development are specified. It was proposed to continue the discussion started at the alignment meeting of Herzen State Pedagogical University of Russia, and it will give an option to discuss the solution ways of current recessionary situation more fundamentally and subjectively on territory-regional level.

Scientific novelty. The approaches to understanding the culture as areas of scientific knowledge are methodized; the areas of cultural education in the conditions of modernization are summarized.

Practical significance. The research implementations can be used while improving the theoretical-methodological component of cultural education, and extending the horizons for topical current research works in the field of cultural studies.

Keywords: culturology, cultural studies, cultural education, institutional crisis, alignment meeting of heads of departments.

Сегодня можно констатировать, что сложилась «культурология для культурологов» (термин А. Я. Флиера) [15], в которой определены направления развития, выявлены узловые проблемы, позволяющие описать реальность социально-культурного бытия человека, сформировано понимание культуры как антропологической реальности – единственно возможной среды существования человека. В последние два десятилетия произошла институализация данной области науки: от потребности в осознании культуры как феномена бытия через выявление специфического предмета исследования – до определенной логики его репрезентации; от появления вузовских кафедр – до организации диссертационных советов по специальности «теория и история культуры».

Внутри культурологического сообщества, которое включает в себя ученых-исследователей и преподавателей культурологических дисциплин различных уровней образования, достаточно четко определены границы культурологического познания (теоретический анализ свойств культуры, закономерностей ее бытия, форм ее самосознания и репрезентации) [6, 7, 16, 17], обозначено место культурологии внутри социально-гуманитарных наук (интеграция социогуманитарного знания) [3, 11, 15], осмысливается специфика культурной деятельности как отрасли (через поиск новых ориентиров в области культурной политики, культурного производства, творческих индустрий, внутри- и межкультурных взаимодействий) [17], изучается роль культурологии в образовании [2, 4, 12].

Культурология как учебный предмет в российских вузах включает в себя теоретический, исторический и прикладной блоки: теоретический анализ вводит студентов самых разных специальностей в проблематику науки (раскрываются вопросы понимания культуры как формы существования общества, взаимоотношения культуры и природы, культуры и техники, культуры и личности); исторический анализ позволяет приобщиться к пониманию вопросов социокультурной динамики, рассмотреть отдельные народы и культуры через их высшие достижения в духовной жизни, при этом, как правило, акцентируются религиозная и художественная сферы; в рамках прикладного блока рассматриваются вопросы культурной политики и специфики существования художественно-творческой и культурно-досуговой сфер.

Можно было бы назвать культурологию «нормальной наукой» (по классификации Т. Куна, «термин “нормальная наука” означает исследование, прочно опирающееся на одно или несколько прошлых научных достижений – достижений, которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для его дальнейшей практической деятельности. В наши дни такие достижения излагаются, хотя и редко в их первоначальной форме, учебниками» [8, с. 34]), поскольку сложилась определенная парадигма культурологических исследований, однако тот факт, что методологические основания данной науки трактуются предельно широко (к ним относят культурно-антропологическую, историко-типологическую, семиотическую, герменевтическую составляющие), а векторы изысканий постоянно множатся (расширяясь за счет различных *cultural studies – urban studies, memory studies, media studies*), демонстрируя включенность российской культурологии в логику зарубежных научных исследований (см., например, публикации в *International Journal of Cultural Studies*), приходится констатировать, что «дисциплинарная загадка» культурологии широкими научными кругами «не разгадана», поскольку не до конца осознана.

Слово «культурология» сегодня прочно вошло в речевой обиход. Правда, определение «культурологический» выступает в качестве признака столь разнокачественных предметов (поисковая система Google на запрос

«культурологический» выдает более 356 000 ответов: от культурологического шока до культурологического подхода в образовании и преподавании различных школьных дисциплин¹), что невольно провоцирует недоуменную сентенцию: культурология похожа на дверь, описываемую известным литературным персонажем: если «приложена к своему месту», то прилагательное, а если стоит без дела, то существительное – все зависит от ситуации.

Сколько бы ни были обидны для культуролога эти слова, в них кроется «сермяжная правда»: нашу науку представители других отраслей знания «нормальной» не считают, рассматривая скорее как дополнение, иногда нужное, иногда – не очень, к существующим и устоявшимся научным исследовательским сферам и социальным практикам: историческим (которые дополняются историей культуры), искусствоведческим (где описывается социокультурный контекст бытования художественного произведения, даются биографические сведения о его авторе, рассматриваются стилевые различия), педагогическим (когда используется «культурологический подход» в образовании и воспитательный потенциал культурных традиций).

И дело даже не в том, что происходит путаница в понятиях (термины «культурный» и «культурологический» часто смешивают), а в том, что потребность в культурологическом анализе реальности как особой социально-культурной практики попросту не сформирована. И у этого есть свои причины.

Сложившаяся ситуация обусловлена прежде всего сложным процессом становления науки, потребовавшим немалых усилий по самоопределению культурологического сообщества, осмысления специфики методологических оснований науки, формирования собственного инструментария. Во многом сказывается и специфика культурологического знания, столь не похожего на все остальные гуманитарные науки.

Среди культурологов бытует представление о своей сфере деятельности как метанауке, подразумевающей интегративное знание о реальности, в которой пребывал и пребывает человек [3, 5]. Приставка «мета» (гр. μέτα) в этом случае приобретает смысл «то, что после науки», т. е. то, что происходит после дифференциации и специализации научного знания, после институализации научной отрасли как сферы социальной практики. И в этом значимость культурологии: после того как социальное и гуманитарное знание, несмотря на единый объект изучения, разделились, возникла потребность в новом синтезе, позволяющем «схватить» реальность целостно (можно сказать – феноменально), а затем уже интерпретировать ее отдельные стороны, фрагменты, явления.

¹https://www.google.ru/search?q=%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9&ie=utf-8&oe=utf-8&aq=t&rls=org.mozilla:ru:official&client=firefox-a&channel=sb&gfe_rd=cr&ei=2vU9VMf6LoaCZOrzsgO

Кто-то называет это претензией на замещение когда-то единой объяснительной теории социальной жизни, кто-то говорит о рефлексии классической немецкой философии, описывавшей восхождение абсолютного духа к абсолютному знанию (если вспомнить, как происходило становление культурологии в России, то трудно отрицать справедливость этих суждений). Однако главное в том, что в современном мозаичном мире с его бесконечно дробящимися смыслами существует потребность целостности, обусловленной единством человеческой природы и вместе с тем многообразием форм и способов ее актуализации в истории и современности. В этом смысле культурология, конечно, метанаука, которая не столько задает антропологический и аксиологический векторы анализа социально-культурной реальности, сколько предлагает «исследовательскую рамку», упорядочивающую последовательность исследовательских процедур, позволяющую рефлексировать собственную исследовательскую позицию и выявлять множественные стратегии познания, сформированные в различных социальных или гуманитарных науках.

Культурологию как науку определяют и как «теорию среднего уровня» (Р. К. Мертон) [9], которая обеспечивает переход от теоретизирования к эмпирике и, наоборот, от анализа к интерпретации явлений культуры. Как метанаука культурология предполагает эту «двойную оптику»: выступая одновременно как объяснительная теория и как интерпретативная практика социально-культурных явлений. В этом ее неоспоримое преимущество, поскольку она помогает рассматривать реальность как процесс и результат человеческой деятельности. Культурология и «удобна» для представителей других гуманитарных наук тем, что создает условия для познания фрагментов множасьейся реальности, будь то лингвистическая картина мира, субкультурные объединения или культурные индустрии. Но в этом кроется известная опасность для культурологического знания: его границы диффузны, они почти целиком зависят от предмета исследования и позиции ученого.

Становление культурологии в качестве научного знания происходило в постсоветской России практически одновременно с утверждением новых учебных дисциплин в школах и вузах. Очерчивание научного поля, осмысление значимости культурологических исследований шло параллельно с поиском тем и проблем, позволяющих сделать учебные курсы для школьников и студентов интересными, содержательными, заставляющими задуматься о смыслах человеческого бытия и найти ценностные основания для существования, – иначе говоря, параллельно с процессом становления культурологического образования.

На протяжении последних лет мы пережили несколько этапов в развитии культурологического образования: от повсеместного введения учебного курса «Культурология» в учебные планы вузов и появления специальности «культуролог» – к низведению культурологии до необязательного курса по выбору и недоуменному вопрошанию абитуриентов и их родителей,

«чем занимается культуролог по окончании вуза». Назвать этот процесс объективным не получается по двум причинам: во-первых, потому что образовательный (воспитательный и информационный) потенциал учебного курса не исчерпан и потребность в профессиональных культурологах есть, а во-вторых, из-за не до конца продуманного процесса модернизации системы образования. Начнем с последнего.

Необходимость модернизации, изменения системы образования в соответствии с требованиями современности в последние годы осознавалась всеми: от рядового учителя и родителя до ученых-педагогов и руководителей самого разного уровня. Стало общим местом ругать школу (среднюю и высшую) за несоответствие требованиям инновационности, за то, что ее выпускники не готовы, а часто и не способны, вписаться в рыночные условия все возрастающей конкуренции. Ответы на этот вызов были разные. Если их обобщить, то можно выделить два направления: первое связано с инновационными процессами внутри самой системы образования (появлением педагогов-новаторов, поиском новых форм и методов обучения, расширением «репертуара» учебных предметов, становлением новых организационных форм образовательных учреждений); второе обусловлено административными решениями, призванными будто бы облегчить этот инновационный процесс.

Однако результаты оказались очень далеки от ожидаемых... Можно обвинить жестокую бюрократическую машину в том, что она душит все живое, можно говорить о несвоевременности любых трансформаций в ситуации нестабильности социальной системы, можно в очередной раз констатировать, что насильственная модернизация репрессивна по определению. Однако за извечным вопросом «кто виноват?» всегда следует вопрос «что делать?». Видимо, необходимо взвешенно оценить то, что происходило и происходит и делается в образовании, чтобы понять, какие угрозы еще можно предотвратить и какие действия еще можно предпринять. На примере культурологического образования это особенно очевидно.

Миссия отечественного образования долгое время обозначалась как образовательная (обучающая и воспитывающая человека-гражданина). Оставим за скобками иронию по поводу соответствия «профиля» выпускника требованиям морального кодекса строителя коммунизма и гневные филиппики по поводу качества этого самого образования. Вспомним, что изменения в содержании образования в постсоветской России были обусловлены не только деидеологизацией, но и стремлением обрести иные ценностные основания для будущего. Именно так значимость своей профессии и своего призвания определяли сами педагоги, ощущая себя последним бастионом в море хаоса и девальвации смыслов (и не их вина, что неловкость показаться излишне пафосными приводила к тому, что общество просто «забывало» об их существовании). Заявленная гуманизация образования – это не просто путь обновления школы, это был осознанный единственно возможный шаг по созданию общества с челове-

ческим лицом – не технократического, но ценностно ориентированного. По сути, это путь противостояния эгоистическому прагматизму – и чистой воды донкихотство.

Культурологическое образование можно рассматривать как результат гуманитаризации средней и высшей школы, который воплотился и в появлении не существовавших в советское время учебных дисциплин, и в понимании необходимости культурологической составляющей в образовательных программах, и в востребованности новых гуманитарных специальностей. По сути, мы были свидетелями и участниками утверждения в рамках отдельно взятой социальной институции неутилитарного отношения к жизни в условиях жесткого прессинга меркантильности и сиюминутной выгоды, признания безусловного права человека на собственные позиции, взгляд на мир, линию поведения, право на свободу самопроявления в ситуации, требующей постоянного компромисса.

Что же изменилось? Если изучать нормативные документы в сфере образования, то, в общем-то, ничего [14]. В них закреплены те правильные слова, которые дают возможность для реализации задуманных идей, подлинной гуманитаризации и культурологизации. На деле же все обстоит с точностью до наоборот. Свобода выбора (от выбора образовательной модели до отдельных дисциплин и частных методик) обернулась отказом от необязательных предметов. Мотивация понятна: если вводится нормативная модель оценки качества обучения в виде ГИА (ОГЭ) и ЕГЭ, то и в школе надо готовить именно к аттестации, поскольку она выступает критерием качества подготовки выпускника школы или вуза, а не почти мифическая, сложно замеряемая и глубоко субъективная, готовность к жизни в условиях все возрастающей конкуренции и усложняющихся требований к самостоятельности и ответственности.

Федеральный образовательный стандарт средней и высшей школы построен на общности идеологии – предоставить свободу выбора образовательных траекторий школьнику и студенту, дать возможность ему самому выбирать, чему и как обучаться, сохранив минимальный набор дисциплин базового уровня. Вот только в обществе периодически возникает ощущение «преддверия апокалипсиса»: есть опасение, что введение образовательного минимума приведет к серьезной дифференциации в образовании, плата за дополнительные образовательные услуги обернется социальной катастрофой, возможность получения качественного образования будет закрыта для очень значительной части общества.

Опасения не безосновательны. В общеобразовательных школах все чаще родители (а именно они, а не школьники, в конечно счете, выбирают, чему обучать) склоняются в сторону прагматического отношения к обучению, выбирая иностранные языки и информатику; в вузах происходит перераспределение учебных часов, направленных на изучение социально-гуманитарных предметов, в сторону тех, которые *сегодня* считаются наиболее адекватными будущей профессии. Вопросы формирования

социально ответственной личности, гражданина, человека культуры все чаще остаются декларациями. Стоит ли говорить, что вопрос о статусе учебного предмета «культурология» и культурологизации образования относится к разряду риторических? Можно ли вообще в нынешних условиях говорить о потенциале культурологического знания?

Культурология именно в силу того, что она является уникальным инструментом познания реальности, может (и автор в этом убежден) стать интегратором нового содержания социально-гуманитарного знания, которое выступает в качестве одного из краеугольных камней образования человека. Если мы говорим об адекватности требованиям сегодняшнего и завтрашнего дня, о формировании критического мышления и ценностных ориентаций, то должны давать выпускнику школы (не важно – средней или высшей) инструмент, с помощью которого он сможет ориентироваться в постоянно усложняющемся мире. Культурология необходима как специальная строчка в школьном и вузовском расписании, чтобы показать, что есть такой уникальный способ понимания реальности, но еще более значима ее роль как основы образовательной стратегии, обеспечивающей будущее страны.

Отсюда – не только осознание значимости культурологизации образования, но и потребность в профессиональных культурологах: в ученых и преподавателях, готовых не только изучать реальность культуры, но и обучать способам ее познания; в экспертах, способных дать оценку происходящим в обществе явлениям не с точки зрения узко понятого прагматизма, а в перспективе развития человека, опираясь на понимание культуры как ценностно-нормативного ядра жизни.

С одной стороны, понимание культурологии одновременно и как научного направления, и как интегративной составляющей социально-гуманитарного знания, и как сферы подготовки специалистов создает объективные трудности и для ее институализации как науки, и для рефлексии деятельности культурологов. В этом смысле культурология, конечно, «неправильная» наука.

С другой стороны, сегодня мы находимся в ситуации определения стратегий будущего развития. В связи с этим размышления о новых формах познания реальности, новых направлениях научных и прикладных исследований, о развитии образования особенно актуальны. Вопросы, которые сегодня волнуют культурологическое сообщество, затрагивают каждую из обозначенных линий, а в связи с происходящими в последнее время в системе образования процессами стоят особенно остро.

Весной 2014 г. в Санкт-Петербурге в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена (РГПУ) под эгидой Научно-образовательного культурологического общества (НОКО) состоялось совещание-семинар заведующих культурологическими кафедрами вузов и председателей диссертационных советов России и СНГ по специальности «теория и история культуры», получивший название *«Науки о культу-*

ре и культурологическое образование: время стратегических решений». Как отмечали организаторы форума, «совещание должно положить начало целенаправленной и скоординированной системе мероприятий НОКО по преодолению накопившихся проблем, стоящих перед культурологией и культурологическим образованием»¹.

Констатировалось, что, несмотря на довольно долгое существование культурологии как учебной дисциплины, сферы научного знания и области профессиональной подготовки, обществом все еще «остается не понятой миссия культурологии в качестве междисциплинарного генерализатора и ее контекстное значение для всех наук», недостаточно популяризируются культурологические знания, есть проблемы с пониманием роли и места культуролога в обществе и специфики его деятельности. А происходящие в последнее время негативные процессы и события: ликвидация Российского института культурологии, оптимизация многих культурологических кафедр и подразделений вузов, свертывание процессов культурологизации в системе образования, вытеснение культурологии из базового блока Федерального стандарта и подмена фундаментального культурологического образования мозаичными квазикультурологическими курсами, расформирование целого ряда диссертационных советов по специальности «теория и история культуры» – вызывают не только справедливую обеспокоенность, но со всей остротой свидетельствуют о кризисе «институциональных форм, в которых культурология и культурологическое образование до сих пор развивались».

С определенной степенью условности можно разделить прозвучавшие на совещании-конференции доклады по тематике: итоги и перспективы развития наук о культуре, направления прикладных культурологических исследований, институциональные и содержательные аспекты культурологического образования и просвещения.

Состоянию наук о культуре было посвящено выступление доктора философских наук, профессора кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета, заместителя Председателя Научного совета РАН «История мировой культуры», вице-президента НОКО И. В. Кондакова, который не только подвел своеобразный итог двадцатилетнему развитию культурологии в России, но и обозначил перспективы культурологических исследований, связанные с раскрытием «цивилизационного кода» отечественной культуры, возможностью постижения логики ее развития (материалы совещания в настоящий момент готовятся к печати).

Продолжением разговора об особенностях культурологического знания стал доклад вице-президента НОКО, доктора философских наук, профессора, ректора Русской христианской гуманитарной академии (г. Санкт-

¹ «Науки о культуре и культурологическое образование: время стратегических решений» [Электрон. ресурс]. URL: <http://edscience.ru/ru/news/nauki-о-kulture-i-kulturologicheskoe-obrazovanie-vremya-strategicheskikh-resheniy>.

Петербург) Д. К. Бурлака, который остановился на вопросе о специфике междисциплинарных связей культурологии с другими науками, отметив известный парадокс: существуя как сфера научного знания, культурология, например, не представлена в направлениях научных исследований Российского гуманитарного научного фонда, что существенно снижает возможности поддержки, в том числе и за счет грантов, исследований культуры, публикации результатов культурологических исследований и проведения научных конференций.

Сформировавшиеся за последние десятилетия научные направления и школы внутри культурологии настоятельно требуют систематизации и представления их достижений широкой общественности. Как отмечалось в докладе доктора философских наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, заведующей кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, президента Санкт-Петербургского культурологического общества С. Н. Иконниковой, сегодня насущной проблемой является создание истории культурологической мысли России, в которой должны быть представлены не только разнообразные направления культурологических исследований, но и персоналии отечественных культурологов.

Развитие культурологической науки тесно связано с проблемами подготовки научных кадров высшей квалификации в современных российских университетах. Эти проблемы стали центральными в выступлениях доктора педагогических наук, профессора, проректора Российского государственного педагогического университета В. В. Лаптева и доктора искусствоведения, профессора, заведующей кафедрой теории и истории культуры РГПУ, вице-президента НОКО Л. В. Мосоловой. Если в первом докладе были затронуты общие вопросы введения новых требований к подготовке квалифицированных специалистов, функционирования аспирантуры и докторантуры, то во втором был представлен анализ тематики и содержания кандидатских и докторских диссертаций по культурологии, защищенных в последнее время. Отмечая как положительный факт появление серьезных научных изысканий, посвященных различным аспектам бытия культуры, отдельным явлениям и периодам в ее истории, Л. В. Мосолова подчеркнула, что существенными недостатками многих работ остается их излишняя описательность, отсутствие четкой формулировки изучаемой проблемы, недостаточно осознаваемая диссертантами специфика культурологического знания, существенно отличающегося от частных наук (например, искусствоведения или музееведения), «всеядность» научных руководителей, которые берутся курировать диссертации, не имея при этом собственных научных работ по избранной теме. Преодолеть негативные тенденции возможно через концентрацию исследований вокруг сформировавшихся научных школ, т. е. через «специализацию» исследовательской деятельности. Вопрос, как это соотносится с децентрализацией науки и развитием региональных научных школ, остается в ряду дискуссионных.

2014 г. был объявлен Годом культуры. В настоящее время обсуждаются направления культурной политики России. Как будет развиваться страна, во многом зависит от того, что именно станет содержанием культурной политики – деятельность по регулированию государством отрасли «культура» и низведение ее до творческих индустрий и культурно-досуговых практик или деятельность по сохранению и трансляции исторически сложившихся систем ценностей и норм поведения, закрепленных в материальном и нематериальном культурном и историческом наследии. Развернувшаяся в обществе дискуссия вокруг предложенных для обсуждения правительством Российской Федерации «Основ государственной культурной политики» не может оставить в стороне культурологическое сообщество, которое справедливо полагает, что кому как не профессиональным культурологам заниматься анализом документа и формулированием предложений по его доработке. Высказанные во многих докладах и выступлениях участников совещания предложения по введению обязательного курса по изучению истории культуры России в школах и вузах, внимание к культурологическому образованию должны быть представлены в итоговом варианте «Основ государственной культурной политики».

Сегодня есть насущная потребность в активизации профессиональной культурологической экспертизы, позволяющей анализировать деятельность государственных и общественных институтов, состоятельность выдвигаемых разнообразных инициатив и предлагаемых социальных проектов с точки зрения их соответствия национальным ценностям, а не сиюминутным запросам. Однако социального заказа на такого рода экспертизу, равно как и ее заказчиков до сих пор нет. На это сетовала в своем докладе кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры РГПУ К. Г. Антонян. Одним из путей институализации и легитимизации культурологической экспертизы как социально значимой и востребованной деятельности, вероятно, должна стать сертификация специалистов в этой области. Другой возможный путь – включение обязательной культурологической экспертизы в систему государственно-общественной аккредитации образовательных учреждений (предложение, высказанное Ю. В. Китовым).

Вопросы культурологической экспертизы тесно переплетаются с проблемами современного образования. Доклад доктора культурологии, профессора кафедры культурологии Сыктывкарского государственного университета, члена Президиума НОКО В. А. Сулимова о противоречиях между нормативно-законодательной базой образования и практикой ее применения стал началом дискуссии о перспективах развития культурологического образования в России. Автор данной статьи обозначила в своем выступлении содержательные и институциональные аспекты данного образования, отметив перспективность сетевого взаимодействия внутри регионального культурно-образовательного пространства.

Обсуждение судьбы культурологии как учебного предмета и важной части профессиональной подготовки привело к тревожному выводу: угро-

за существованию культурологического образования сегодня как никогда реальна. Представители различных университетов практически в унисон говорили об исчезновении культурологии как дисциплины из учебных планов вузов, о субъективности администраций вузов в отношении сохранения этого предмета и соответствующих кафедр, об опасности негативного изменения духовного климата в стране при отсутствии культурологического просвещения, которое является необходимым условием развития общества. Доцент кафедры философии и культурологии Алтайской государственной педагогической академии, председатель Алтайского отделения НОКО Е. И. Балакина предложила даже новый термин – «культурологическая гомеопатия», отражающий суть культурологического образования. Она и ее коллеги – заведующая кафедрой культуры и коммуникативных технологий Алтайского государственного технического университета И. А. Жерносенко и заведующая кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета И. Е. Фадеевой – обозначили круг проблем, с которыми приходится сталкиваться, и выдвинули предложения по их нейтрализации путем налаживания целенаправленного взаимодействия с органами власти, образовательными и общественными организациями. Звездой кафедры культурологии и антропологии Московского государственного университета культуры и искусств Ю. В. Китов обратился к культурологам с актуальным призывом «быть нескромными», не стесняться демонстрировать свои успехи и подчеркивать собственную значимость в том числе и перед властью предрержащими. О том же говорил и доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск) А. И. Смолик, представивший направления деятельности культурологов соседней страны.

Совещание-семинар завершился докладом кандидата исторических наук, заместителя Института «Российская антропологическая школа» Российского государственного гуманитарного университета А. Г. Васильева и последовавшей за его выступлением дискуссией о причинах институционального кризиса культурологии, одной из причин которого была названа недостаточная определенность и осознанность необходимости рефлексии не только места и роли культурологических дисциплин в образовании, но и методологических оснований деятельности культурологов.

Открытый финал совещания оставляет надежду, что судьба культурологии в России не столь уж трагична, а продолжение разговора, но уже на территориально-региональном уровне, позволит более глубоко и предметно обсудить пути выхода из сложившегося кризисного состояния.

*Статья рекомендована к публикации
д-ром пед. наук, проф. В. Л. Бениным*

Литература

1. Астафьева О. Н., Разлогов К. Э. Культурология: предмет и структура // Культурологический журнал // Journal of cultural research. 2010. № 1 [Электрон. ресурс]. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/2.html&j_id=2.
2. Бенин В. А. Педагогическая культурология: состояние, проблемы, перспективы // Педагогический журнал Башкортостана. 2011. № 1. С. 74–83.
3. Докучаев И. И. Трансгрессия и редукция: пути интеграции социально-гуманитарных наук и культурологии // Вопросы культурологии. 2011. № 7. С. 25–29.
4. Жукова Е. Д. «Культурология образования» и «педагогическая культурология»: поиск идентичности // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013. № 1. С. 27–31.
5. Корень Р. В. Системная культурология как метанаука: Философско-культурологические исследования // ВВ: Педагогика и просвещение. 2013. № 3. С. 38–69. DOI: 10.7256/2306-4188.2013.3.9103 [Электрон. ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/pp/article_9103.html.
6. Культурология в системе наук и образования: Аннотированный библиографический указатель (2000–2003). Москва: РИК, 2004 [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.riku.ru/Pub.htm>.
7. Культурология как дисциплинарная загадка: материалы круглого стола // Вопросы культурологии. 2011. № 1. С. 125–132.
8. Кун Т. Структура научных революций: пер. с англ. / сост. В. Ю. Кузнецов. Москва: АС, 2003. 605 с.
9. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура [Social Theory and Social Structure]. Москва: АСТ, Хранитель, 2006. 880 с.
10. Огурцов А. П. Культура как способ самоописания современных обществ // Вопросы культурологии. 2013. № 3. С. 9–13.
11. Сулимов В. А., Фадеева И. Культурология – наука о смыслах // Вопросы культурологии. 2013. № 3. С. 24–29.
12. Сулимов В. А. Педагогическая культурология и проблемы современного российского образования // Вестник Коми государственного педагогического института. 2011. № 9. С. 131–136.
13. Теоретическая культурология / А. В. Ахутин [и др.]; отв. ред. О. К. Румянцев. Москва; Екатеринбург: Академический проект; Деловая книга; РИК, 2005. 624 с.
14. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (5–9-е классы) [Электрон. ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/938>.
15. Флиер А. Я. Культурология для культурологов: учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. Москва: Академический проект, 2000. 496 с.
16. Флиер А. Я. Построение идеальной модели проблемных полей культурологии // Вопросы культурологии. 2012. № 7. С. 4–8.
17. Фундаментальные проблемы культурологии: Т. 1–7 / отв. редактор Д. А. Спивак. Москва; С-Петербург: Новый хронограф: Эйдос, 2009.

18. Шапинская Е. Н. Культурология после постмодернизма // Культурологический журнал // Journal of cultural research». 2010. № 1 [Электрон. ресурс]. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/9.html&j_id=2.

References

1. Astafeva O. N., Razlogov K. E. Kul'turologija: predmet i struktura. [Cultural Studies: a subject and structure]. *Kul'turologicheskij zhurnal. [Journal of cultural research]*. 2010. № 1. Available at: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/2.html&j_id=2. (In Russian)
2. Benin V. L. Pedagogicheskaja kul'turologija: sostojanie, problemy, perspektivy. [Teaching cultural studies: state, problems, prospects]. *Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana. [Pedagogical Journal of Bashkortostan]*. 2011. № 1. P. 74–83. (In Russian)
3. Dokuchaev I. I. Transgressija i redukcija: puti integracii social'no-gumanitarnyh nauk i kul'turologii. [Transgression and reduction: integration of social Sciences and Humanities and cultural studies]. *Voprosy kul'turologii. [Cultural Studies Issues]*. 2011. № 7. P. 25–29. (In Russian)
4. Zhukova E. D. «Kul'turologija obrazovanija» i «pedagogicheskaja kul'turologija»: poisk identichnosti. [«Cultural education» and «educational studies»: the search for identity]. *Universum: Vestnik Gercenovskogo universiteta. [Universum: Bulletin of the Herzen University]*. 2013. № 1. P. 27–31. (In Russian)
5. Koren R. V. Sistemnaja kul'turologija kak Metanauka: Filosofsko-kul'turologicheskie issledovanija. [System studies as Metascience: Philosophical and cultural studies]. *NB: Pedagogika i prosveshhenie. NB: [Pedagogy and education]*. 2013. № 3. P. 38–69. DOI: 10.7256/2306-4188.2013.3.9103. Available at: http://e-notabene.ru/pp/article_9103.html. (In Russian)
6. Kul'turologija v sisteme nauk i obrazovanija: Annotirovannyj bibliograficheskij ukazatel' (2000–2003). [Cultural studies in the system of science and education: an Annotated bibliography (2000–2003)]. 2004. Moscow: Publishing House RIK. Available at: <http://www.riku.ru/Pub.htm>. (In Russian)
7. Kul'turologija kak disciplinarnaja zagadka: materialy kruglogo stola. [Culturology as a disciplinary mystery: the materials of the round table]. *Voprosy kul'turologii. [Cultural Studies Issues]*. 2011. № 1. P. 125–132. (In Russian)
8. Kuhn T. Struktura nauchnyh revoljucij. [The Structure of Scientific Revolutions] Translated from English. Ed. by V. Ju. Kuznecov. Moscow: Publishing House AS, 2003. 605 p. (In Russian)
9. Merton R. Social'naja teorija i social'naja struktura. [Social Theory and Social Structure]. Moscow: Publishing House AST, 2006. 880 p. (In Russian)
10. Ogurtzov A. P. Kul'tura kak sposob samoopisanija sovremennyh obshchestv. [Culture as a way of self-description of modern societies]. *Voprosy kul'turologii. [Cultural Studies Issues]*. 2013. № 3. P. 9–13. (In Russian)
11. Sulimov V. A., Fadeeva I. E. Kul'turologija – nauka o smyslah. [Culturology – the science of the senses]. *Voprosy kul'turologii. [Cultural Studies Issues]*. 2013. № 3. P. 24–29. (In Russian)
12. Sulimov V. A. Pedagogicheskaja kul'turologija i problemy sovremennogo rossijskogo obrazovanija. [Pedagogical culturology and problem of modern Russian]

an education]. *Vestnik Komi gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. [Bulletin of the Komi State Pedagogical Institute]*. 2011. № 9. P. 131–136. (In Russian)

13. Teoreticheskaja kul'turologija. [Theoretical culturology]. Ed. by A. V. Ahutin; Chief Editor O. K. Rumjancev. Moscow; Yekaterinburg: Publishing Houses Academic Project, Business Book, RIK, 2005. 624 p. (In Russian)

14. Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart osnovnogo obshhego obrazovanija (5–9-e klassy). [Federal State Educational Standard of General Education (grades 5–9)]. Available at: <http://минобрнауки.рф/документы/938>. (In Russian)

15. Flier A. Ya. Kul'turologija dlja kul'turologov: Uchebnoe posobie dlja magistrantov i aspirantov, doktorantov i soiskatelej, a takzhe prepodavatelej kul'turologii. [Culturology for cultural specialists. Study guide for master's and post-graduate students, doctoral candidates and competitors for a degree, and also teachers of cultural science]. Moscow: Publishing Houses Academic Project, 2000. 496 p. (In Russian)

16. Flier A. Ya. Postroenie ideal'noj modeli problemnyh polej kul'turologii. [Building a perfect model of problem fields of culturology]. *Voprosy kul'turologii. [Cultural Studies Issues]*. 2012. № 7. P. 4–8. (In Russian)

17. Fundamental'nye problemy kul'turologii. [Fundamental problems of cultural studies]. Vol. 1–7. Moscow; St. Petersburg: Publishing Houses New Chronograph, Jejdos, 2009. (In Russian)

18. Shapinsky E. N. Kul'turologija posle postmodernizma. [Culturology after postmodernism]. *Kul'turologicheskij zhurnal. [Journal of cultural research]*. 2010. № 1. Available at: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/9.html&j_id=2. (In Russian)